

Материалистическая философия практики

как альтернатива
философии сознания

Александр Сурмава, Александр Симакин

Основанное на идее практики понимание природы жизни и человеческого сознания, то есть последовательный материализм имел своего пророка еще в Древней Греции. Это - Анаксагор.

Анаксагор первый в истории человечества мыслитель высказавший мысль, что:

Не разум является основанием человеческой ловкости и умелости, но, напротив, ловкость и универсальность человеческих рук являются основанием человеческого интеллекта.

Речь не демиург человеческой разумности, но всего лишь переводчик ума.

Растения, движением своих листьев за солнцем свидетельствуют о том, что у них есть ощущения.

Спустя почти две с половиной тысячи лет принципиальную связь между ловкостью человеческих рук и уровнем развития интеллекта исследовал и обосновал выдающийся физиолог-спинозист Николай Александрович Бернштейн
1896 - 1966

Закат античности знаменовал собой чудовищное падение уровня теоретической культуры

Для средневекового сознания было характерно представление о том, что материальное и идеальное могут непосредственно взаимодействовать друг с другом, что возможны телекинез, левитация и всевозможная магия. Принцип абстрактного чуда, на отрицании которого основывалась классическая античная философия стал вновь править бал в теоретической мысли.

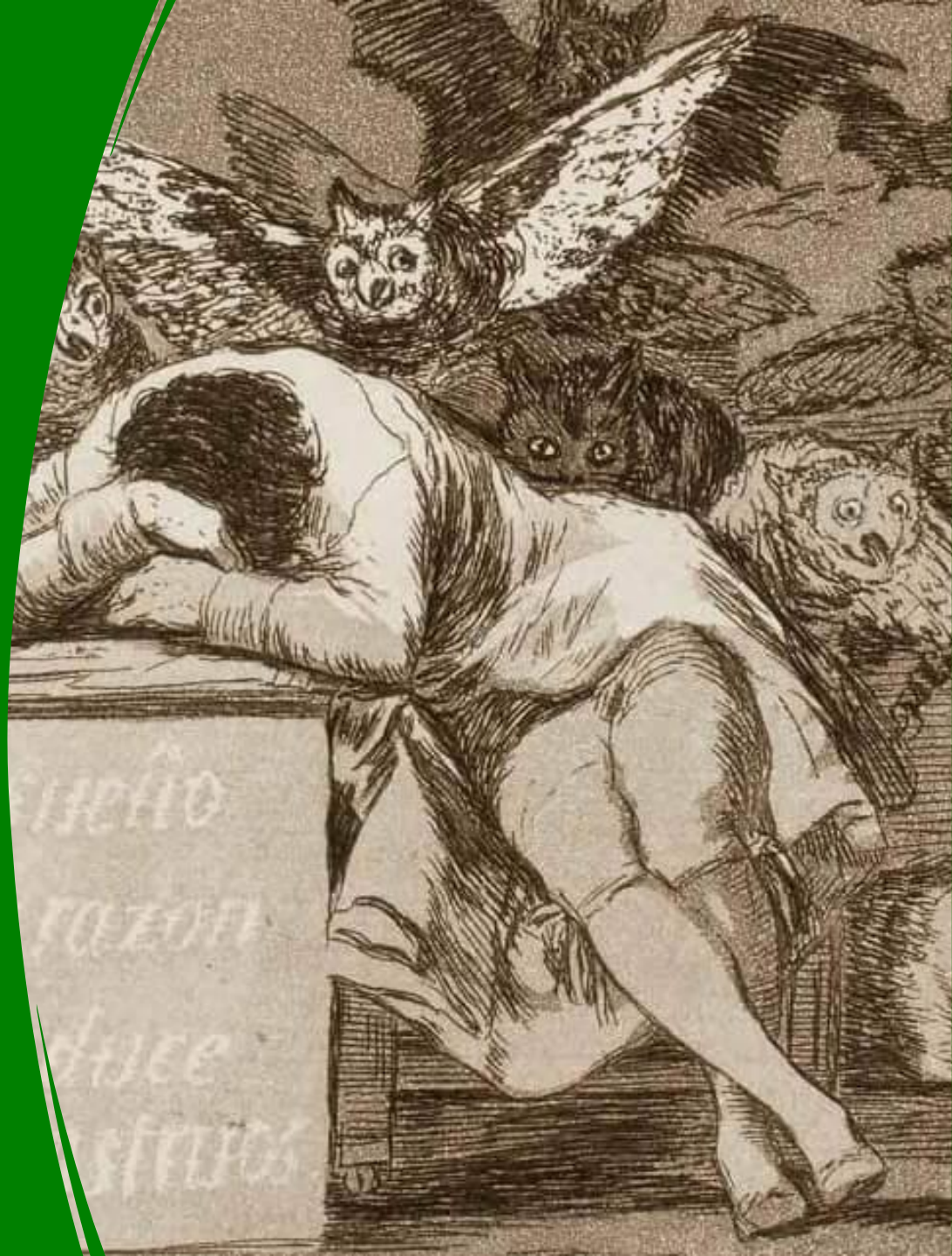

Приход Нового Времени ознаменовался радикальной сменой самых фундаментальных философско-теоретических представлений о природе человека

Новое Время - время Великих географических открытий, время мореплавателей и ученых - нуждалось в иной, в рациональной логике, в логике, основанной на опыте и критическом разуме. Для того, чтобы успешно доплыть из точки «А» в точку «В», мореплавателю необходима физика и астрономия, а не молитва и слепая вера.

**Смена эпох —
смена типа
сознания**

**Credo
quia
absurdum
est**

**De omnibus
dubitandum**

Декарт, основоположник философии Нового времени, теоретик, освободивший естествознание от оков средневековой схоластики и в то же время поставивший потомков перед неразрешимым тупиком "психофизической проблемы"

В противоположность средневековому магическому сознанию, Декарт понимал материальный мир как причину самого себя, как *causa sui* или "субстанцию". В переводе на современный язык это означало, что Природа содержит в себе все свои причины и что она в принципе не может взаимодействовать с неприродными или сверхъестественными силами. Другими словами, мысль, как идеальная сущность, не может взаимодействовать с материальным телом.

Подобная презумпция была и остается абсолютно необходимой предпосылкой возможности науки как таковой. Либо межпланетная ракета летит по законам механики, в уравнениях которой нет ничего, кроме движущихся тел, механических сил, действующих на них, и взаимодействия последних, либо ракета движется по воле Божьей или по магии, окропившего ее святой водой волшебника в рясе. И третьего здесь не дано.

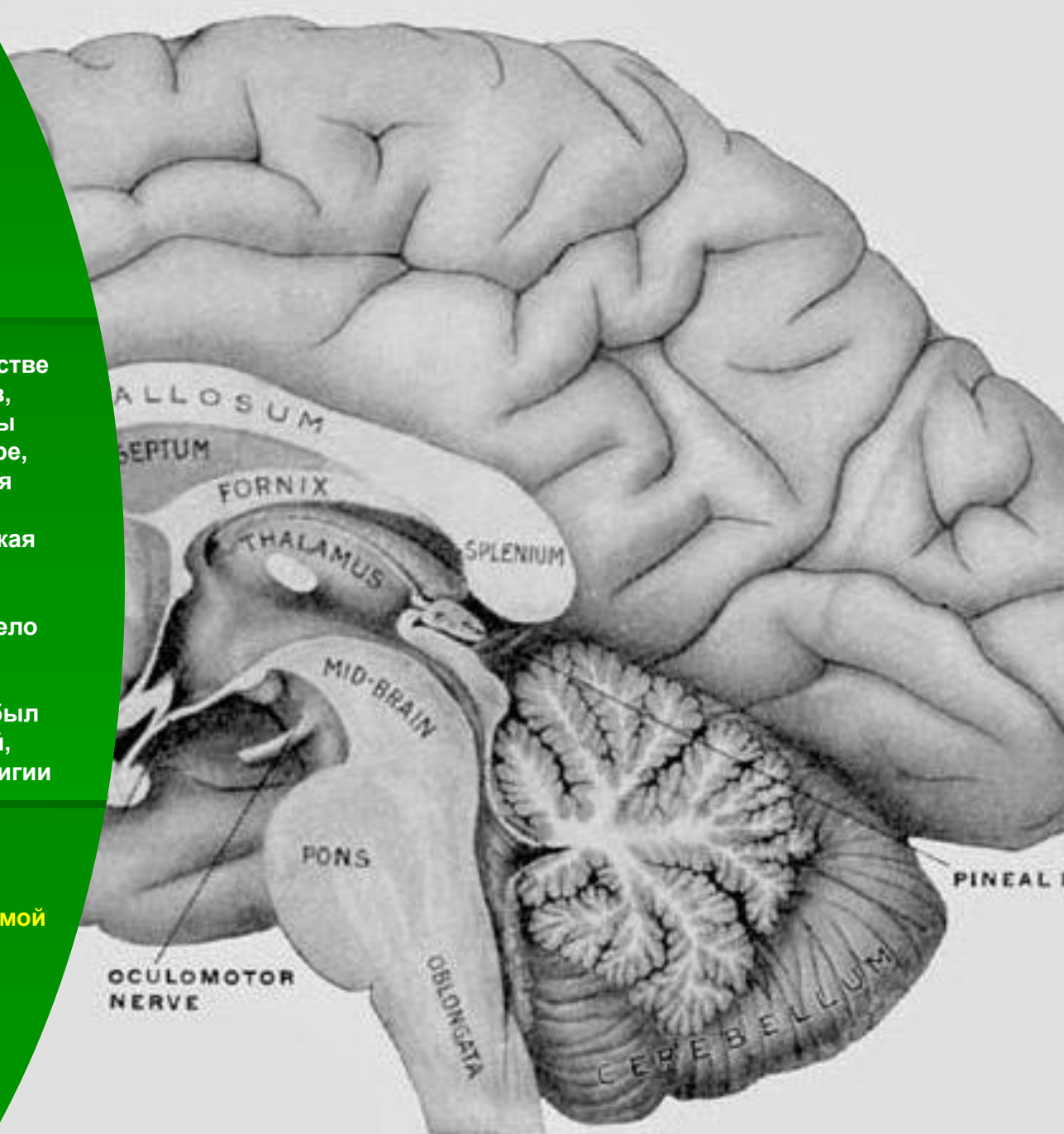
Но трудности, характерные для картезианства, возникают тогда, когда Декарт пытается понять природу человеческого мышления и связь последнего с человеческим телом.

Если растения и животных с грехом пополам еще можно представить в качестве тупых запрограммированных автоматов, сославшись на то, что они живут в якобы раз и навсегда данном, стандартном мире, то с человеческим мышлением подобная логика очевидно не проходит.

Декарт ясно понимал, что человеческая жизнедеятельность не стереотипна, а универсальна, а это значит, что она не может основываться на встроенных в тело рефлексах.

Поэтому, способность к разумной, универсальной жизнедеятельности он был вынужден приписать некоей магической, бестелесной сущности, известной в религии как «душа».

И тем самым разрушить свою собственную логику и поставить теоретическую мысль перед неразрешимой проблемой взаимодействия «тела» и «души».

За характерной для Нового времени сменой точки зрения на природу человека стояли реальные перемены в социально-экономическом строе общества, а значит и в положении человека в обществе. Теперь человек – не пассивное приложение к феодальному владению, но активный, изменяющий мир вокруг себя деятель. Поэтому философия теперь прежде всего интересуется не вера человека в потусторонний мир, но его реальные земные дела, а значит и реальные земные орудия этих дел.

Потребности практики лежали в основании и делавшей акцент на эмпиризм философии Френсиса Бэкона, и в рационалистической философии Рене Декарта

«Человек, слуга и истолкователь природы, столько совершает и понимает, сколько постиг в ее порядке делом или размышлением, свыше этого он не знает и не может»

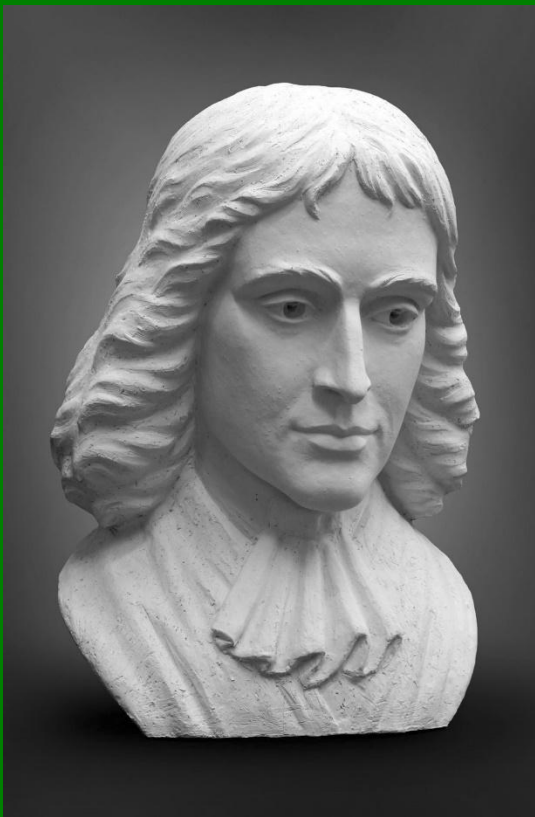
**Фрэнсис Бэкон
Новый органон**

«Дело» и «размышление» - как эти две фундаментальные вещи или события связаны друг с другом?

Вот центральная проблема, над решением которой бьется вся философия Нового Времени.

Френсис Бэкон высказал в этой связи свою величайшую догадку об орудиях, хотя и сформулировал ее как всего лишь метафору.

«Ни голая рука, ни предоставленный самому себе разум не имеют большой силы. Дело совершается орудиями и вспоможениями, которые нужны разуму не меньше, чем руке. И как орудия руки дают или направляют движение, так и умственные орудия дают разуму указания или предостерегают его.»

Но Френсис Бэкон был не одинок в своих догадках о природе и значении орудий труда для понимания человеческого мышления.

В своем «Трактате об усовершенствовании интеллекта» Бенедикт Спиноза также высказал глубочайшую догадку об историческом развитии человеческого мышления и о связи последнего с развитием материальных орудий труда.

В развитии мышления, рассуждает Спиноза, «дело обстоит так же, как и с материальными орудиями» в том смысле, что для того, чтобы изготовить сложное орудие надо уже располагать какими-то более простыми орудиями. Но это значит, что «первые», наиболее простые и грубые орудия были когда-то изготовлены человеком с помощью его «instrumenta innata» (врожденных инструментов), его рук, зубов и пр. Затем, с помощью этих «грубых» орудий человек изготавливает все более совершенные орудия, а значит получает способность уже с их помощью совершенствовать свои орудия все дальше и дальше.

Очевидно, что для сенсуалиста Бэкона отношение орудийного действия к мышлению выглядело принципиально иначе, чем для материалиста Спинозы. Для Бэкона мышление есть всего лишь интерпретация данных чувственного опыта, поэтому ни о чем ином, кроме как об аналогии между «внешней» деятельностью, опосредованной «орудиями и вспоможениями» и «внутренним» мышлением, опосредованным теми или иными идеями, у Бэкона не может идти и речи.

Но это и означает, что **сенсуализм, как теоретическая установка есть не материализм, но форма последовательного субъективного идеализма.**

Напротив, для материалиста Спинозы, мышление есть способность мыслящего тела «двигать и располагать» одни тела, включая свое собственное, в соответствии с формой и расположением других тел. Поэтому, орудийное действие в его логике есть не что-то трансцендентное материалистически понятому мышлению, но инструментальный модус предметного действия, то есть мышления как такового. А, следовательно, между усовершенствованием орудий подобной деятельности с помощью других орудий, о которых пишет Спиноза, и развитием одних идей с помощью других есть отношение не аналогии, но тождества.

Заметим, что так же как у Бэкона не может идти речи о чем-то кроме аналогии между орудийным действием и мышлением, и у Выготского, понимавшего мышление как сугубо внутренний, опосредованный знаками ментальный процесс, мышление есть вещь трансцендентная по отношению к чувственно предметной деятельности, а следовательно и средства опосредующие их не могут быть одними и теми же. Таким образом в понимании орудий Выготский очевидно повторяет сенсуалиста, то есть идеалиста Бэкона и вопреки собственным намерениям прямо противоречит материалисту Спинозе.

176 лет тому назад,
в апреле 1845 года
молодой Карл Маркс
пишет свои знаменитые
«Тезисы о Фейербахе»,
в которых не оставляет
камня на камне от
сенсуалистских
предрассудков
всей старой философии.

Вот развернутый смысл первого тезиса Маркса

Главный недостаток всякого сенсуализма, включая и фейербаховский, который на деле вовсе не является материализмом, но банальным субъективным идеализмом, заключается в том, что субъект человеческого мышления, сознания или так называемой психики рассматривается сенсуализмом как *нечто существующее до и независимо от практической человеческой деятельности.*

Материальный мир, внешний к этой абстрактной «мыслительной сущности» или «психике», воздействует на нее и «отражается» в ней, так что согласно догме сенсуализма активной стороной выступает не живой, то есть деятельный телесный субъект, а внешний мир.

Поэтому подобный «материализм» необходимо сочетается у того же Локка – классика сенсуализма - с верой в чудеса.

Маркс противопоставляет человеческую чувственную деятельность, практику - пассивному созерцанию, подчеркивая, что сам субъект как таковой существует только в практической деятельности.

Здесь необходимо сделать одно существенное пояснение!

Все изложенное нами выше целиком основывается на ильенковском понимании Спинозы, которое мы полностью разделяем.

До и безотносительно к Ильенкову, и Маркс не составлял в этом смысле исключения, в Спинозе видели всего лишь выдающегося метафизика XVII века, теоретическое значение идей которого безвозвратно ушло в прошлое на фоне успехов «материалистической философии Локка» и его французских эпигонов XVIII века и тем более на фоне классического немецкого идеализма с его диалектикой.

Исторической заслугой Ильенкова является принципиально новое теоретическое понимание Спинозы как бескомпромиссного диалектика и материалиста, без опоры на идеи которого, невозможно подлинно научное понимание природы человека, невозможен научный, неидеологический марксизм.

**Две центральные, спинозистские идеи Ильенкова,
поставившие его в один ряд с классиками мировой философии**

- Мышление есть действие не бестелесной «мыслящей души», но способ активного действия одного материального тела, по форме другого.
- Всеобщей и генетически исходной формой идеальности является орудие предметной деятельности, то есть для человека – орудие труда.

Необходимо подчеркнуть, что оба сформулированные нами выше положения Ильенкова, составляющие теоретическое ядро его философии, являются ярчайшим примером материалистической диалектики.

Мыслящее тело активно движется по форме полагаемого его активностью предмета и тем самым идеально отражает форму, то есть **мыслит** последнее. С точки зрения школьной формальной логики словосочетание мыслящее тело – оксюморон. С разделяемой нами точки зрения Ильенкова «мыслящее тело» – ярчайший образец реализации в теории принципа тождества мышления и бытия, тождества противоположностей, то есть **диалектики Спинозы**.

Иначе говоря, предметное, не спекулятивное мышление это не наложение на реальность позаимствованных у Гегеля или скопированных в учебниках Диамата априорно-диалектических схем с их отрицаниями, триадами, и «законами диалектики», но логика самой действительности. Соответственно, подлинными диалектиками являются не специалисты по академическому жонглированию философской терминологией, но те, кто следует логике самой действительности со всеми ее внутренними противоречиями.

Как диалектик Спиноза как минимум не уступает Гегелю, а как материалист даже превосходит его, ибо отваживается на такой уровень напряжения диалектического противоречия, отождествляя мысль и действие тела, перед которым очевидно пасует классик диалектики, но идеалист Гегель. Поэтому, между прочим, и ядро диалектической философии Ильенкова следует искать не в его ранних трактатах о диалектических категориях, а в его, опирающемся на Спинозу исследовании природы мышления, а по существу и жизни, как таковых.

Поэтому, понимание и развитие идей Ильенкова возможно только как продолжение научного исследования того же предмета, который был предметом размышлений и Анаксагора, и Спинозы, и Маркса – то есть природы человеческой деятельности.

И такое исследование обнаруживает, что исходный, наиболее абстрактный пункт в движении мысли Ильенкова к пониманию исторически развитых форм человеческой деятельности, человеческого мышления – понятие жизни, неявно присутствующее в его логике, некритически позаимствовано им из современной ему позитивистской биологии.

В этой связи на ум приходит известный афоризм Ларошфуко, о том, что наши недостатки есть продолжение наших достоинств.

Ильенков, резко отличался от легиона и советских, и западных идеологов своими профессионально глубокими знаниями классической философской мысли. Поэтому, он всегда бывал крайне осторожен, когда ему приходилось выходить за рамки своей узкой профессиональной сферы, скажем в сферу теоретической биологии. Так ему очевидно был глубоко несимпатичен И.П.Павлов с его плоским картезианством. Но, не соглашаясь с общетеоретическими выводами Павлова, Ильенков некритически исходит из павловских представлений о стимул-реактивной (картезианской), то есть немыслящей природе функционирования тела животного.

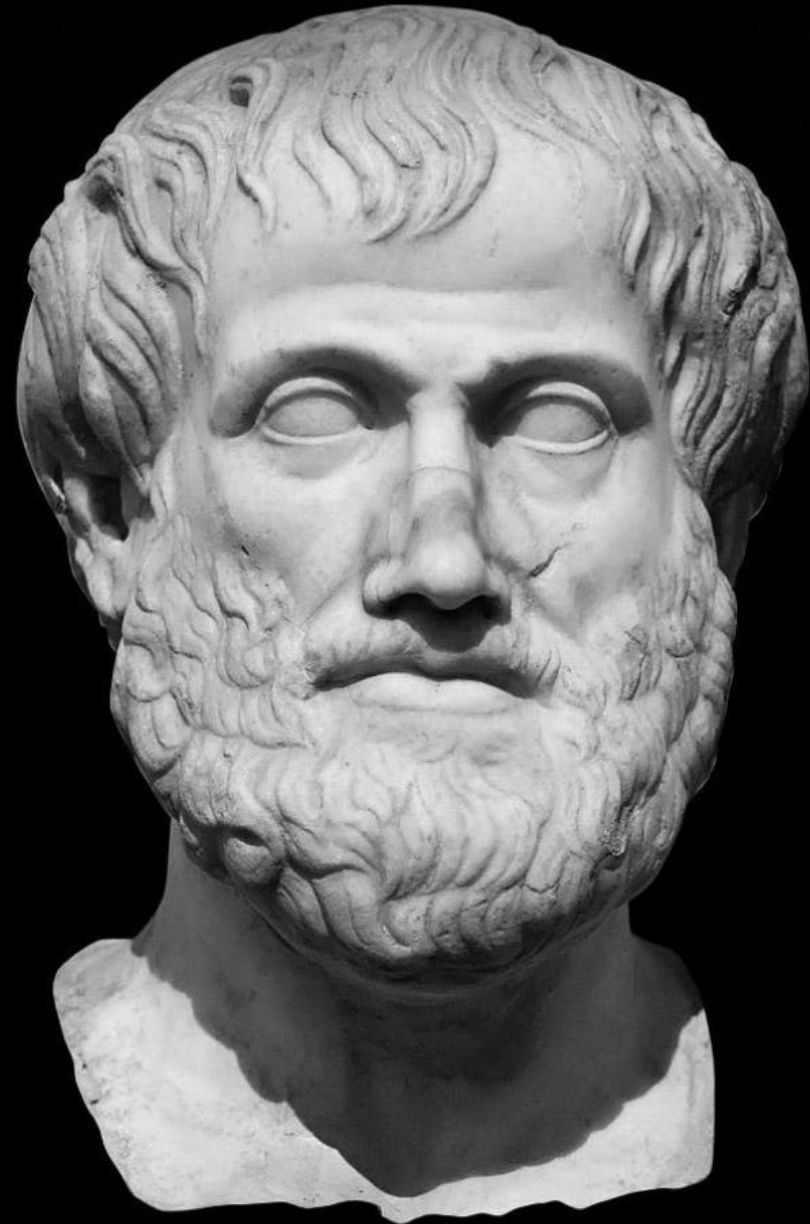

Поэтому факты очевидно противоречащие этому предрассудку, факты, свидетельствующие о том, что животные, причем не только высшие антропоиды, но, и, скажем, птицы способны действовать не на основе механических рефлексов, но разумно, с пониманием, и даже орудийно, хотя и привлекали его внимание, но так и не подвели его к теоретическим выводам о природе жизни.

Поэтому, в частности, Ильенков совершенно необъяснимо упустил возможность познакомиться с трудами своего современника, величайшего биолога-спинозиста Николая Бернштейна, настаивавшего на том, что жизнь может быть понята только как предметный процесс.

**Аристотель
различал три восходящие
ступени в развитии жизни.**

1. Низшую или растительную – заключающуюся в способности живого тела к росту.
2. Животную – сообщающую телу способность иметь ощущения и желания
3. Высшую, мыслящую – сообщающую телу способность по человечески мыслить

Декарт упразднил две низшие аристотелевские энтелехии, заявив, что рост живых тел и способность животных ощущать могут быть объяснены чисто механически

- Низшую или растительную – заключающуюся в способности живого тела к росту.
- Животную – сообщающую телу способность иметь ощущения и желания

Напротив, способность человека мыслить Декарт объявил принципиально невыводимой из стимул-реактивной схемы действия тела и для объяснения возможности человеческого мышления с его универсальностью, постулировал необходимость особой бестелесной сущности – мыслящей души.

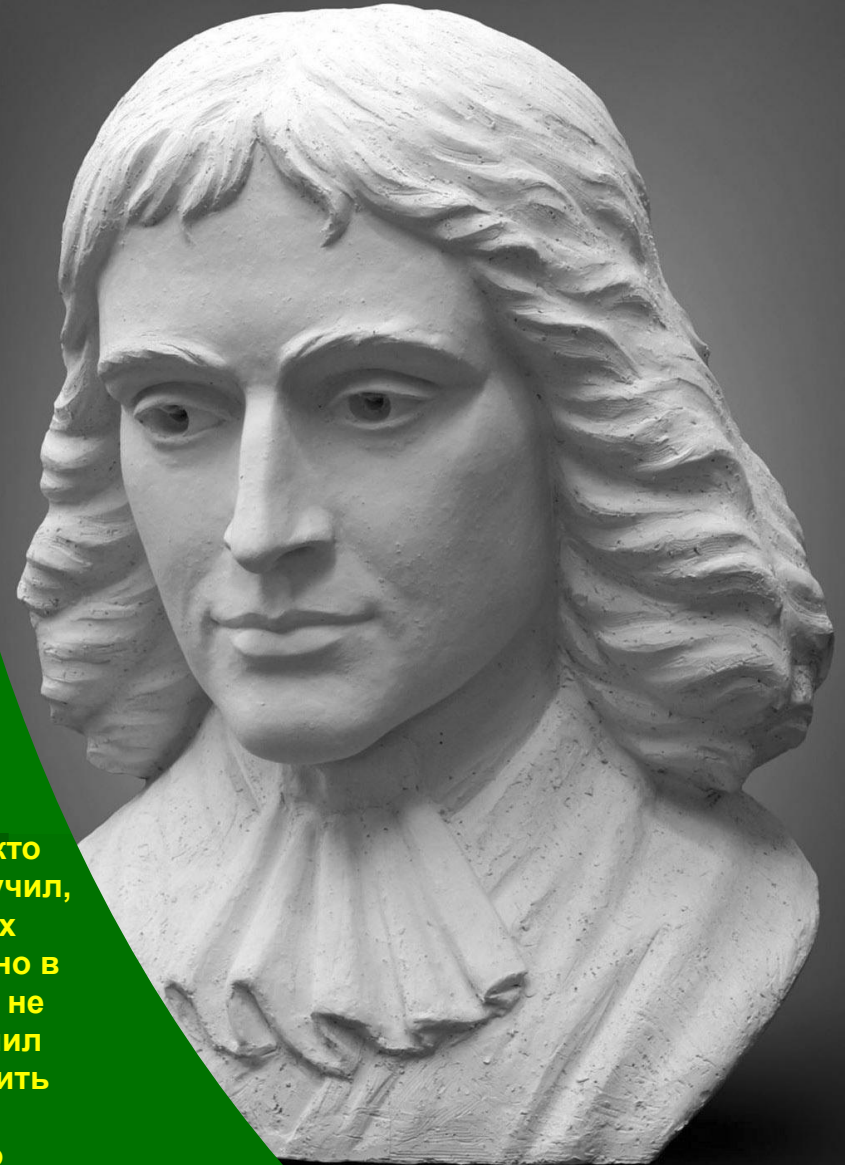
Иначе говоря, жизнь как таковую дуалист Декарт объявил чисто механическим процессом.

Спиноза как материалист в этом пункте принципиально расходится с Декартом, хотя и вынужден говорить об этом лишь иносказательно.

Учитывая идеологические обстоятельства своей эпохи, когда даже в буржуазной Голландии быть материалистом и тем более атеистом значило рисковать жизнью, Спиноза воздерживается от прямых высказываний о том, что считает животных мыслящими существами, ибо это опасно противоречило религиозным догматам. Но невзирая на все опасности, Спиноза не отклоняется от материалистической логики, из которой необходимо следует этот вывод.

«В самом деле, того, к чему способно тело, до сих пор никто еще не определил, т. е. опыт никого еще до сих пор не научил, к каким действиям тело является способным в силу одних только законов природы, рассматриваемой исключительно в качестве телесной, и к чему оно не способно, если только не будет определяться душою. До сих пор никто еще не изучил устройства тела настолько тщательно, чтобы мог объяснить все его отправления. Я не говорю уже здесь о том, что у лишенных разума животных замечается многое такое, что далеко превосходит человеческую проницательность»

Бенедикт Спиноза, «Этика»

Современная позитивистская биология даже не ставит вопроса о природе жизни как таковой, ограничиваясь меланхолической констатацией, что жизнь – это нечто такое, что может быть определено только через произвольный набор отдельных качеств-атрибутов, среди которых прежде всего упоминается генетическая «информация».

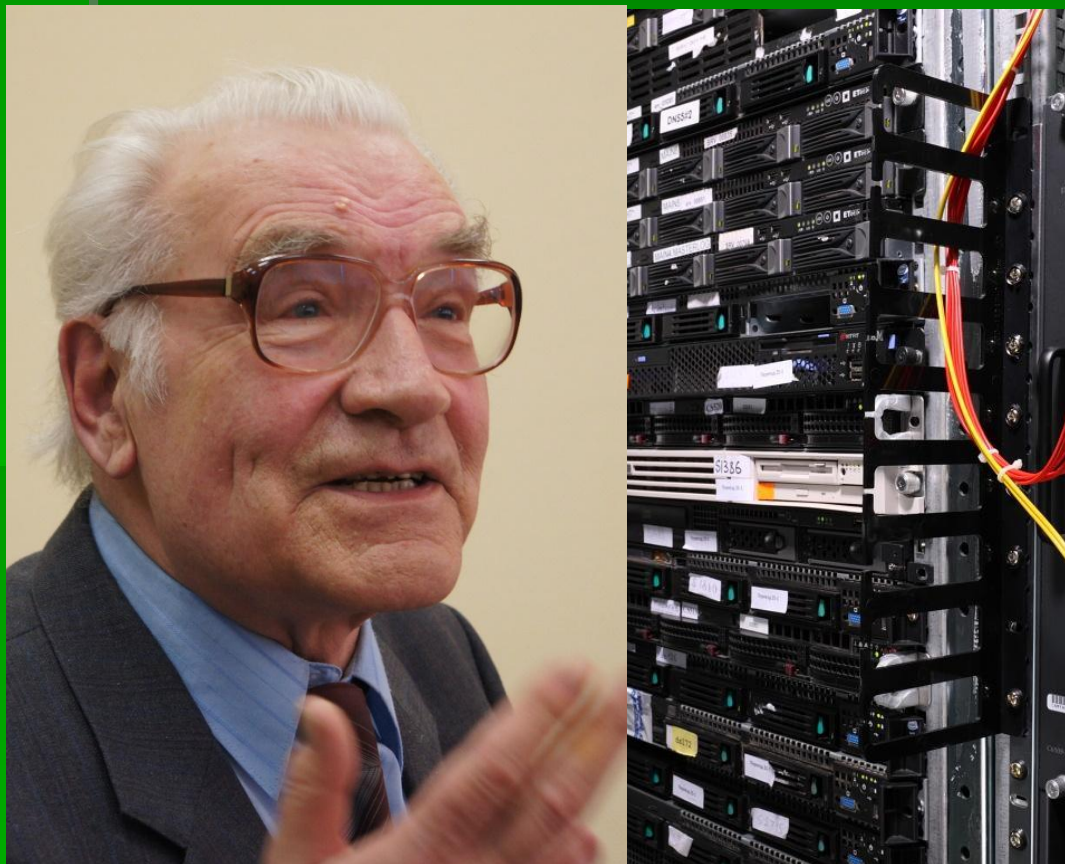
Википедия – этот компендиум принятых академическим мейнстримом банальностей, констатирует:
«Более или менее точно определить понятие «жизнь» можно только перечислением качеств, отличающих её от нежизни. На текущий момент нет единого мнения относительно понятия жизни, однако учёные в целом признают, что биологическое проявление жизни характеризуется:

- организацией (высокоупорядоченное строение),
- метаболизмом (получение энергии из окружающей среды и использование её на поддержание и усиление своей упорядоченности),
- ростом (способность к развитию),
- адаптацией (адаптированы к своей среде),
- реакцией на раздражители (активное реагирование на окружающую среду),
- воспроизводством (все живое размножается),
- информация, необходимая каждому живому организму, расщепляется в нем, содержится в хромосомах и генах, и передаётся от каждого индивидуума потомкам.

Также можно сказать, что жизнь является характеристикой состояния организма.»

Компьютер ни с какой информацией дела не имеет. Он ее не получает и не производит. Информация - это то, что согласно афористически точному определению Льва Константиновича Науменко*, помогает людям принимать решения, уменьшая неопределенность. Самому компьютеру, как бы сложен он ни был, нет ни малейшей нужды принимать какие бы то ни было решения, а потому для него нет и не может быть никакой «информации».

Информация нужна работающему с помощью компьютера человеку.

То же самое относится и к мышлению.

Мышление это не таинственные операции, происходящие в недрах мозга или кремниевого процессора. И внутри мозга, и внутри компьютера нет никакого мышления, ибо в последнем нет никакой нужды.

Мышление это предметное действие, а предметное действие есть жизнь. Неживому компьютеру, как бы сложен он ни был, просто незачем «мыслить».

Наоборот, все живое по определению мыслит, то есть все живые тела действуют по форме своего предметного мира, находя в нем пищу, партнеров, врагов, друзей, убежище, и делает это всегда в новых и всегда в совершенно непредсказуемых обстоятельствах. Поэтому идея жизни как функционирования рефлекторного автомата с готовыми врожденными или запрограммированными уже при жизни (начальством) реакциями на какие-то внешние толчки-стимулы - полный тупик мысли.

* Лев Науменко (1933 - 2020) – ученик, друг и соавтор Ильенкова. Автор блистательной теоретической монографии «Монизм как принцип диалектической логики», получившей высокую оценку Ильенкова

Теоретически жизнь может быть понята научно лишь в монистической логике Спинозы-Фихте. Не как эклектическое соединение материализма одного с идеализмом другого теоретика, но через предметный синтез двух великих монистов.

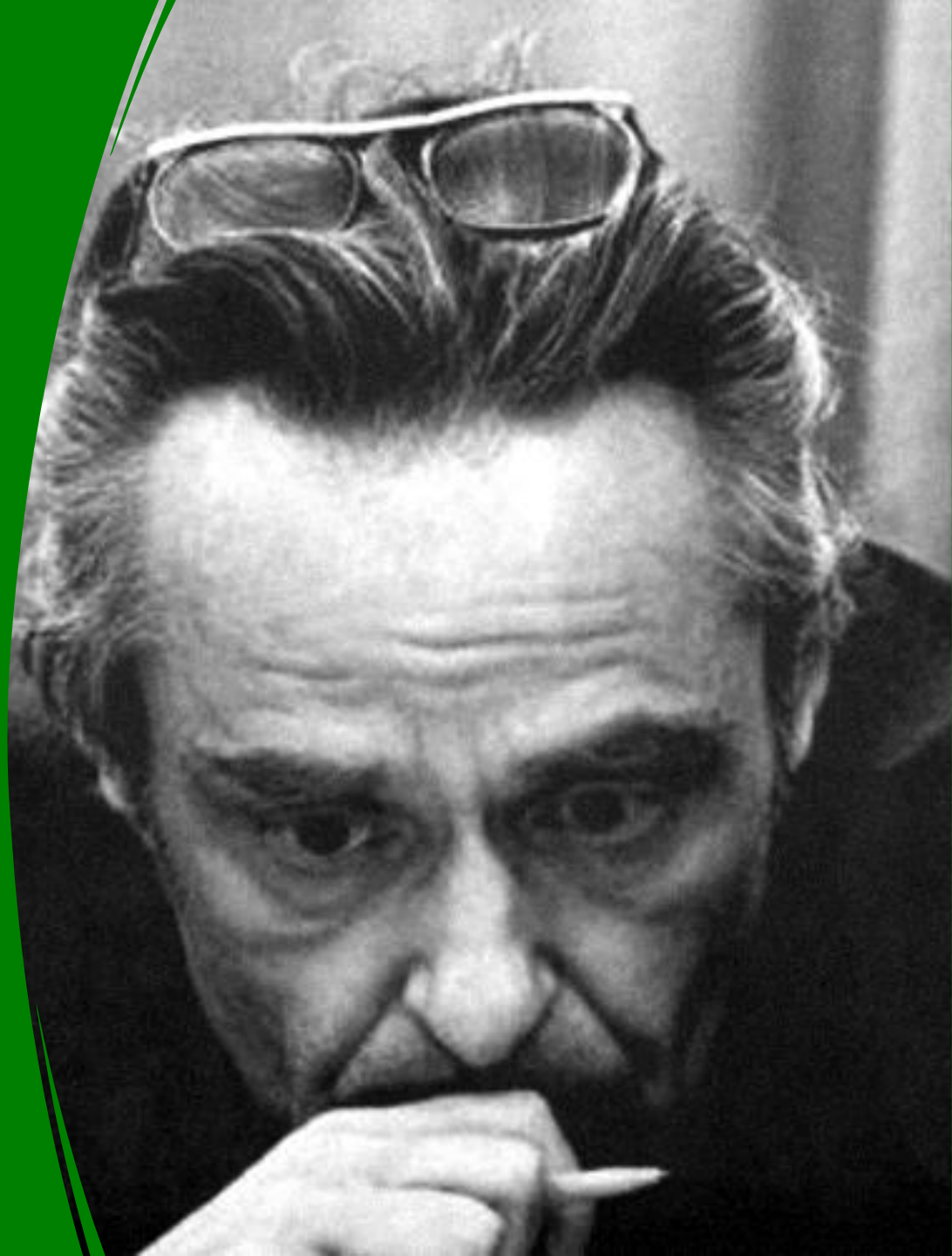
1. Жизнь это спонтанный процесс. Жизнедеятельность это не реакция на пинок извне, но процесс всецело самопричинный. Жизнь не может быть понята в логике: стимул-реакция. Последняя логика пригодна для описания отношений механизма и химизма, но никак не отношения живого тела к своей предметности.

2. Живое действие есть действие не ломающее все на своем пути и не погибающее в подобном столкновении само, но движение, содержащее в самом себе внутреннее ограничение своего абстрактного произвола. Живое движение, в отличии о движения механического, способно не только тянуться к своему предмету, но и отступить от него. Внутренняя, телесно заданная реципрокность способных к живому движению органов живого существа, есть необходимое условие возможности жизни.

Подобная способность ограничивать собственный абстрактный произвол и есть материалистический смысл **фихтевского понятия Anstoß**. Акт полагания, в котором рождается одновременно и предмет, и субъект действия, есть не абстрактно ментальный акт, происходящий в пространстве «души» или «Я», но происходящий в реальной, чувственной деятельности диалектический акт полагания предмета и субъекта.

Идея о том, что Фихте и Спиноза как идеалист и материалист не просто абстрактные оппоненты, но весьма близкие друг другу мыслители, и что их фундаментальные подходы к пониманию человеческого мышления не только можно, но и необходимо синтезировать, была в центре теоретических размышлений Ильенкова в последние годы его жизни.

3. Живое действие есть Спинозовское действие субъекта по форме предмета, но не пассивное, механическое скольжение одного по форме другого, но живое, пробующее движение-действие, действие, формирующее и деформирующее предмет, и в то же время сохраняющее его в его определенности.

- Вьющееся растение демонстрирует свою способность к живому, пробующему предметному действию, то есть в терминологии Ильенкова-Спинозы к **МЫШЛЕНИЮ**.

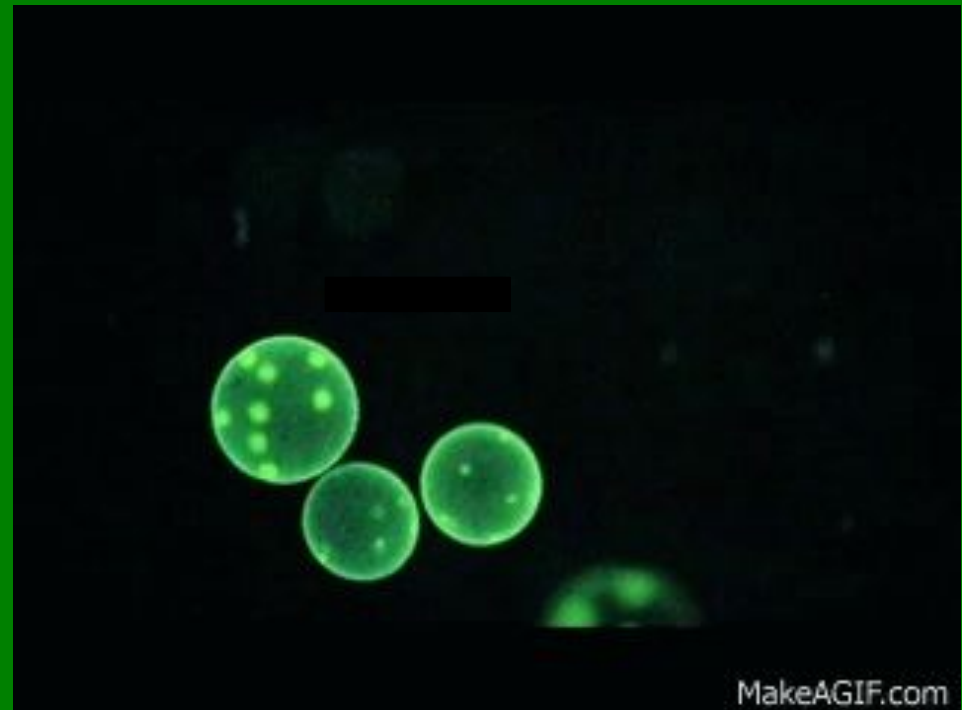

Соответственно, от бесформенного эклектического перечисления случайного набора эмпирических «признаков» жизни, мы переходим к теоретическому ее определению.

Двигаясь в логике Спинозы-Фихте-Ильенкова, мы с необходимостью приходим к выводу, что дать теоретическое определение жизни не только необходимо, но и возможно. И, по существу оно будет совпадать с определением мышления Спинозы-Ильенкова.

Жизнь как предметное отношение или 3 диалектических атрибута жизни

1. Спонтанность (не рефлекторность)
2. Продуктивность (полагание предмета и субъекта собственной активностью)
3. Предметность (способность действовать по форме предмета)

Рефлексивность

Предметность является главным атрибутом жизнедеятельности, ибо все живые существа, чтобы оставаться живыми нуждаются в том, что находится вне их тел – в пище, убежище, партнерах и т.п., а, значит, витально нуждаются в том, чтобы их спонтанные действия были конгруэнтны их предметной реальности, то есть нуждаются в том, чтобы действовать не по произвольному капризу, но свободно, в соответствии с объективной необходимостью. Но предметно действующий, живой субъект не есть нечто простое, точкообразное. А следовательно предметное действие, соотносящее живой субъект с его предметом, невозможно без действия рефлексивного, действия соотносящего живой субъект, живое мыслящее тело с самим собой.

Так конкретный характер движения электрического диполя во внешнем электрическом поле невозможно понять, исходя из абстрактной конфигурации последнего, ибо оно содержательно опосредовано внутренними, рефлексивными силами самого диполя.

Аналогично свободное, живое действие мыслящего тела принципиально невозможно, если реципрокные моторные элементы этого тела не уравнивают динамически друг друга, сообщая этому телу определенный мышечный тонус.

Развитый, многоклеточный организм животного содержит множество моторных элементов, находящихся друг относительно друга в отношении функциональной реципрокности. Соответственно предметная жизнедеятельность такого организма может быть понята только как ансамбль субактивностей, составляющих его моторных элементов. Таким образом предметность, то есть жизнедеятельность такого организма оказывается необходимо опосредованной системой его рефлексивных, самонаправленных активностей.

На языке Спинозы сказанное можно выразить так – живое, мыслящее тело может свободно, активно двигать и располагать внешние тела в том, и только в том случае, если оно подвержено активному аффекту.

Джаз бэнд жизни

Процесс жизни развитого многоклеточного организма состоит из множества одновременных предметных действий различных составляющих его органов, начиная от биения выстилающих фаллопиевы трубы ресничек, через биение сердца и перистальтику артерий и кишечника и вплоть до орудийных предметных действий рук и ног. Все названные и неназванные действия составляют живой, диалектический ансамбль субактивностей, в котором различаются высокоранговые ведущие действия, своего рода солисты, обеспечивающие наиболее сложные внешнепредметные действия организма как целого и филогенетические древние, обеспечивающие его базовые витальные функции - дыхание, внутренний транспорт, пищеварение. Реальный процесс жизни напоминает нечинный симфонический оркестр, партии которого заранее расписаны в партитуре, но импровизирующий джаз бэнд, участники которого постоянно импровизируют и постоянно меняются ролями, то солируя, то аккомпанируя другим...

Органическая целостность есть единство противоположно действующих, внутренне дополняющих друг друга органов целого. Так в единый ансамбль органы соединяет не их похожесть друг на друга, но различие и противоположность их функций, за которыми стоит различие их органических тел, их морфологическая специализация, выражающаяся в различии их тканей внутри отдельных организмов и морфофизиологическом различии отдельных индивидов в органическом сообществе – репродуктивной паре, стае, прайде львов и т.п..

Членов человеческого общества также объединяет в единый социальный организм не их похожесть друг на друга, но их различие. Но в отличие от животных, различия в человеческой деятельности, а следовательно и объединяющие людей социальные связи, обусловлены в человеческом обществе не биологическими различиями индивидов, не цветом их кожи, разрезом глаз или полом, но различным отношением этих индивидов к орудиям человеческой деятельности, то есть собственностью на средства производства их жизни. Ибо, как справедливо отметил Бенджамин Франклин:
«Человек это животное, способное изготавливать орудия труда»

Вообще, роль орудий человеческой деятельности, орудий труда сильно недооценена философией. И дело вовсе не в том, что мы, как левые идеологи, обязаны слагать гимны труду и его атрибутам.

Для того, чтобы делать это вовсе не обязательно быть «левым». И примеры тому – всецело буржуазные идеологии протестантов и «советской» номенклатурной буржуазии.

А вот с точки зрения не идеологии, но науки – орудия деятельности, причем как орудия натуральные, *innata instrumenta* Спинозы, так и орудия человеческие, орудия труда, представляют собой ключ к пониманию самой возможности жизни и познания, ключ к решению проблемы, которая своей кажущейся неразрешимостью до сих пор не дает покоя академической мейнстримной философии – проблемы связи мышления и действительности вне мышления.

Что связывает мысль с реальностью?

Произвольный знак – вот ответ, дальше которого не идет большинство явно или неявно разделяющих сенсуалистские предрассудки теоретиков.

Внешний мир якобы воздействует на ощущающих индивидов, которые, в свою очередь связывают эти воздействия с теми или иными знаками для того, чтобы в дальнейшем оперировать этими знаками, то есть в их понимании совершать акты «мышления».

При этом полностью игнорируется то обстоятельство, что за знаками, произвольно назначенными этими «ощущающими индивидами», не стоит ничего, кроме их случайного субъективного произвола, а значит любое оперирование этими знаками в лучшем случае раскрывает природу их произвола, но никак не природу их денотата. Мы уже не говорим, о том, что в этой логике сама способность оперировать знакам, то есть согласно логике этих господ – «мыслить», остается чем-то магически невыразимым. Откуда она берется у индивида? Где гарантия, что понятые так «мысленные операции» углубляют понимание того, что якобы дано нам еще «в ощущениях»?

Мышление - деятельность

Если понимать мышление материалистически, как предметную деятельность, то нужда в конвенциональных знаках со всеми их парадоксами отходит на задний план, где им собственно и место.

Так, полет птицы есть живое действие по форме предмета – воздуха, от которого птица отталкивается своими крыльями. Соответственно сам акт полета и есть развернутое в пространстве действие мыслящего тела птицы, активно полагающей воздух в качестве опоры и свое тело в качестве субъекта полета, то есть акт мышления.

Воздух, на который опирается летящая птица это не однородный идеально-бесформенный газ, но это положенное активностью птицы локальное уплотнение по форме которого скользит птица. Соответственно живое движение птицы в полете есть идеальная копия ее предмета, а живое тело самой птицы – ее крылья, хвост и все остальное тело есть опредмеченная идеальность полета.

Крыло – активный орган полета, а, следовательно, природа крыла может быть понята только через его отношение к его предмету, то есть как идеальное выражение его предмета.

При этом необходимо подчеркнуть, что форма крыла ни в коем случае не есть нечто произвольное, нечто конвенциональное. Форма крыла выражает не абстрактный произвол эволюции, но природу той стихии по форме которой движутся птицы. В крыле птицы мы не найдем ни единой молекулы ее предмета – воздуха, как в стоимости сюртука ни одного грамма ваксы или золота, на которые они обмениваются.

Форма крыла идеальна в самом строгом теоретическом смысле этого философского понятия.

И едва ли случайно крыло птицы воспринимается нами как нечто совершенное, каковым оно и является в действительности, как... идеальное воплощение красоты.

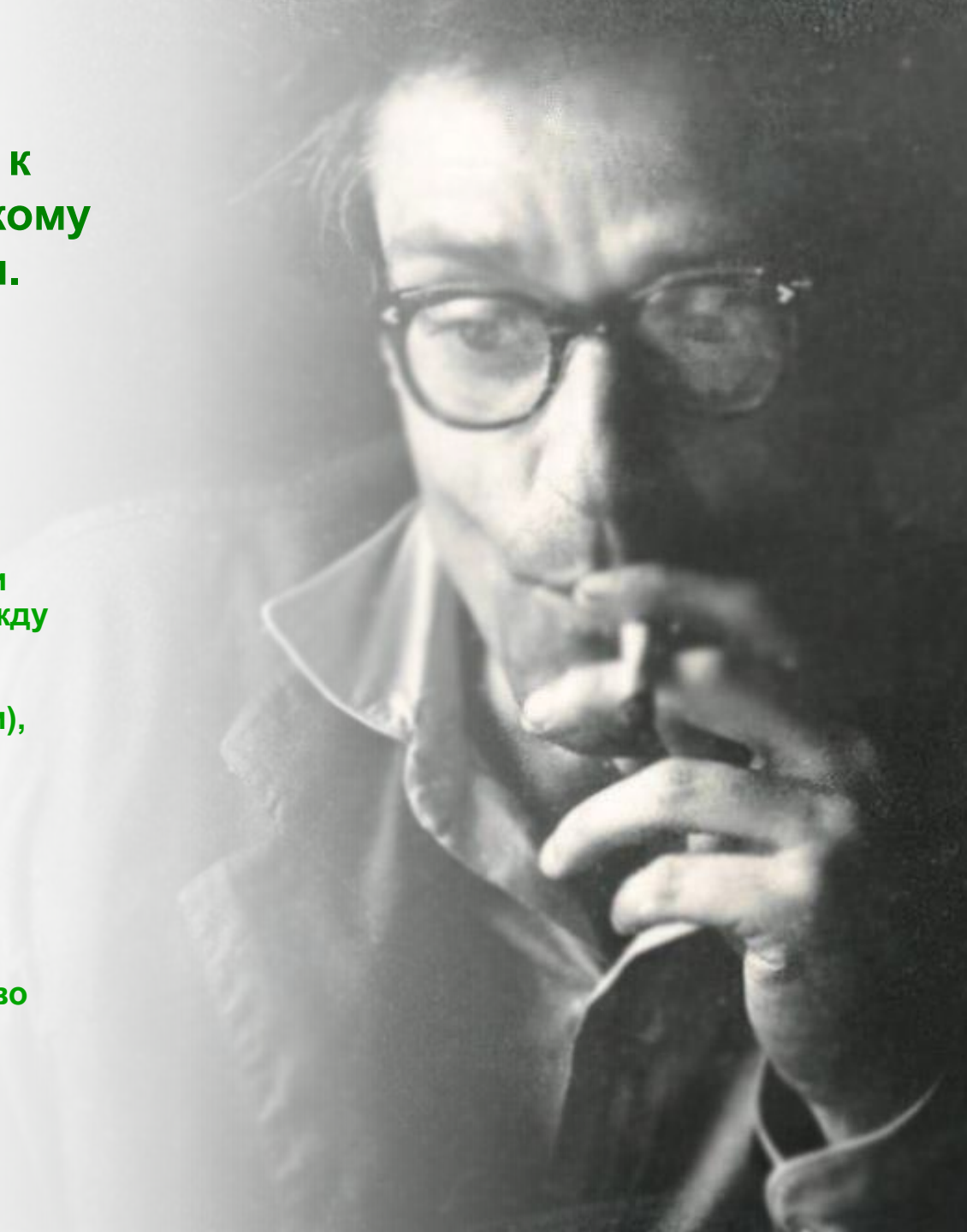
Но, если крыло птицы представляет собой ее врожденное, органическое орудие – *innatum instrumentum*, то крыло планера это искусственное, неорганическое или культурное орудие человека.

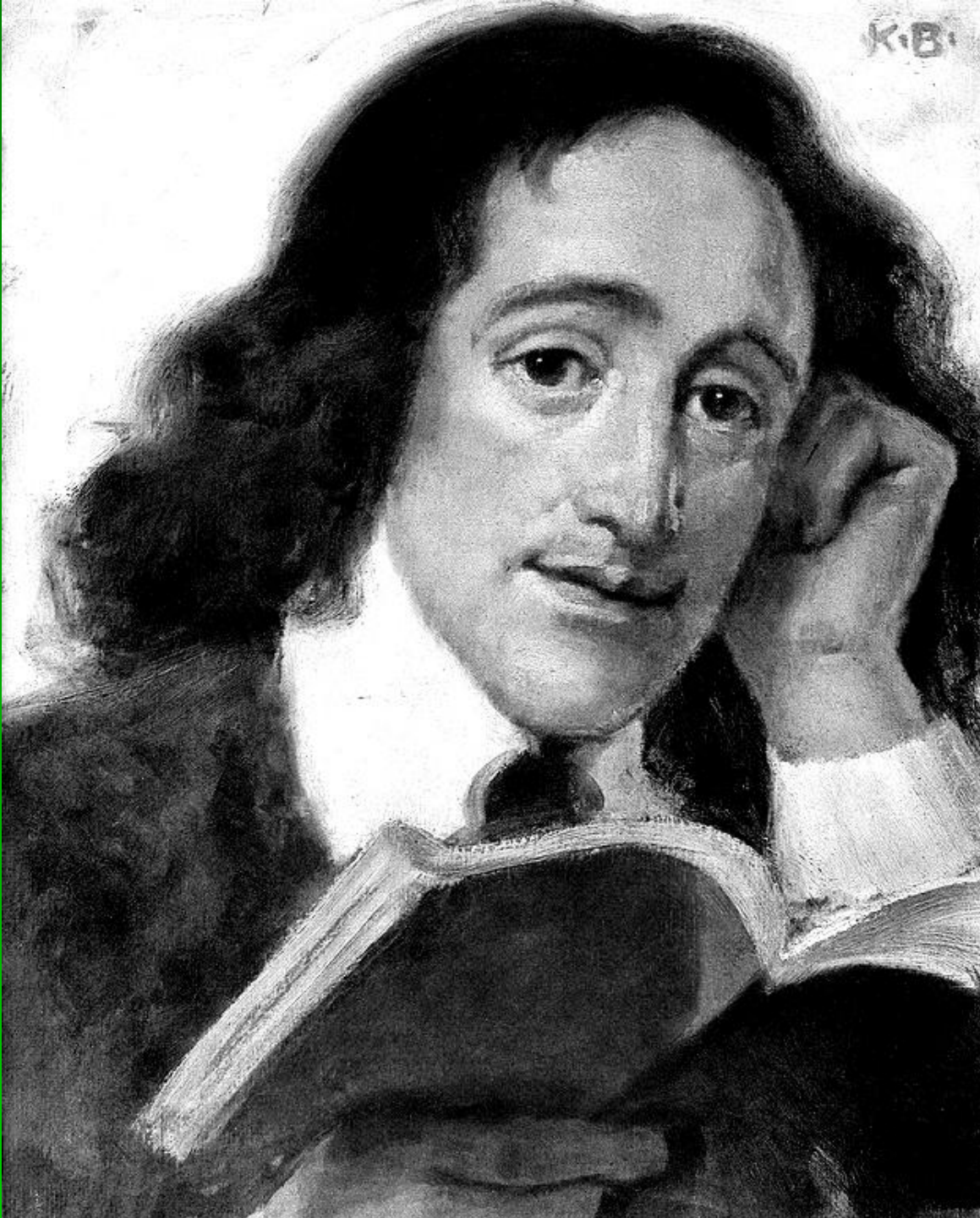
И его форма совершенно не случайно напоминает форму крыла птицы, ибо и сотворенное эволюцией крыло птицы, и крыло планера идеально выражают один и тот же предмет – воздух, с которым они активно взаимодействуют.

И вновь повторим, что совершенно не случайно авиаконструкторы убеждены, что хорошими летными характеристиками может обладать только красивый самолет.

И здесь мы возвращаемся к классическому ильенковскому определению идеальности.

«Под «идеальностью», или «идеальным», материализм и обязан иметь в виду то очень своеобразное и строго фиксируемое соотношение между двумя (по крайней мере) материальными объектами (вещами, процессами, событиями, состояниями), внутри которого один материальный объект, оставаясь самим собой, выступает в роли *представителя другого объекта*, а еще точнее – *всеобщей природы этого другого объекта*, всеобщей формы и закономерности *этого другого объекта*, остающейся инвариантной во всех его изменениях, во всех его эмпирически-очевидных вариациях.»

Идеальность

Эта формулировка понятия идеальности (ideele), в силу своей абстрактности, одинаково хорошо согласуется и с материалистической и с идеалистической интерпретацией:

идеалистической, если исходной и всеобщей формой идеальности полагать конвенциональный знак, общественную или «культурную» конвенцию и материалистической, если в качестве всеобщей формы идеальности увидеть **«прежде всего орудие труда»***.

Подобно Анаксагору и Спинозе Ильенков более чем критически настроен по отношению к самой идее конвенциональности, к представлению о том, что произвольные знаки и прежде всего знаки языка есть волшебный ключ к пониманию человеческого мышления. Никто иной как Ильенков был и остается наиболее радикальным критиком логического позитивизма, с его наивной верой в волшебную силу языка, в магическую силу гегелевского «Namengebungskraft» (силу наименовывания).

Поэтому, перечисляя в своей последней так и не опубликованной при жизни работе примеры идеальности, в которых на первом плане представлены примеры социальных конвенций «...слова языка, и книги, и статуи, и храмы, и клубы, и телевизионные башни...», Ильенков неожиданно прибавляет «(и прежде всего!) орудия труда, начиная от каменного топора и костяной иглы до современной автоматизированной фабрики и электронно-вычислительной техники»

* См. Э.Ильенков «Диалектика идеального»

«(...и прежде всего!) орудия труда...»

Следует подчеркнуть, что орудие труда упоминается в ильенковских текстах об идеальности только один единственный раз. В большинстве примеров, иллюстрирующих понятие идеальности, а также в развернутых комментариях к ним Ильенков настаивает на знаково-символической, социокультурной природе идеальности не раз и не два подчеркивая, что идеальность существует там и только там, где есть общественный человек с его культурой, что вне человеческого общества никакая идеальность не существует и не может существовать в принципе, а, следовательно, что приписывать идеальность животным, значит совершать грубую теоретическую ошибку.

И вдруг, в «Диалектике идеального» он фактически перечеркивает все сказанное им прежде и пишет эту шокирующую многих реплику - «...**(и прежде всего!) орудия труда...**», сопровождая её эмоциональным восклицательным знаком. А, чтобы окончательно расставить точки над *i* иллюстрирует сказанное примерами **заведомо чувственных артефактов начиная от каменного топора и вплоть до компьютера.**

То, что здесь Ильенкова противоречит сам себе совершенно очевидно. Неслучайно британский философ Питер Джонс посвятил этому противоречию статью, в которой настаивает, что идеальность можно обнаружить в орудии труда лишь в том случае, если на нем нанесены какие-то знаки, какой-то украшающий их узор или размещен логотип фирмы-производителя.

В том, что у Ильенкова в этом пункте содержится противоречие, Джонс несомненно прав. А вот как к этому противоречию следует относиться, следует ли отбросить одну из его сторон, как очевидную ошибку, и на каком понимании идеальности следует остановиться, так и остается под вопросом.

Джонс очевидно предлагает остаться в рамках привычного «социокультурного» толкования идеальности. Но такое толкование последнего ильенковского текста очевидно перечеркивает теоретическое значение «Диалектики идеальности», превращая её во всего лишь расширенную версию статьи «Идеальное» 1962 года во втором томе «Философской энциклопедии».

«Марксистская оговорка»

Открыв для философии содержащееся в работах Спинозы материалистическое понимание мышления как способа действия мыслящего тела, как практику, Ильенков в конце второго очерка делает шаг назад, завершая его так называемой «марксистской оговоркой». Он пишет:

Но и этого мало, добавил Маркс. По Марксу, с необходимостью мыслит только природа, достигшая стадии общественно производящего свою жизнь человека, природа, изменяющая и осознающая сама себя в лице человека или другого, подобного ему в указанном отношении (а не в форме носа или черепной коробки) существа, универсально изменяющего природу, как внешнюю, так и свою собственную. Тело меньшего масштаба и «структурной сложности» мыслить не будет. Труд – процесс изменения природы действием общественного человека – и есть «субъект», коему принадлежит «мышление» в качестве «предиката».

Не сделай Ильенков этой оговорки он сильно рисковал налететь на идеологический упрек в том, что он де подменяет Маркса - Спинозой, а диалектику – метафизикой, ибо ни в одном из учебников по «марксизму-ленинизму» ни «предметной деятельностью», ни Спинозой даже и не пахло, а под вывеской «ленинской теории отражения» господствовал примитивный идеалистический сенсуализм.

При этом, Ильенков не мог не догадываться, что приведенная им якобы марксистская оговорка полностью перечеркивала его спинозовское открытие. Из понимания мышления, как предметного действия, как практики однозначно следовало, что животные мыслят. И сам Спиноза очевидно склонялся к подобной мысли. И, напротив, если мышление есть атрибут лишь человеческой деятельности, то животные оказываются вновь заточенными в мир механических картезианских автоматов и... прощай Спиноза.

Можно, конечно, попытаться сконструировать некую третью ступень между идеальным и материальным, между человеческим мышлением и отражаемым этим мышлением миром вещей. И назвать эту третью ступень – «психикой». Иначе говоря, можно от Декарта и Спинозы вернуться к Аристотелю, с его различием мыслящих и чувствующих душ.

Но тогда возникает правомерный вопрос – идеальна ли психика животных, и... упереться лбом в совершенно неразрешимую антиномию. Психика животных не может быть идеальной, ибо она не причастна к «человеческой культуре». И психика не может быть не идеальной, ибо произнести словосочетание «материальная психика», значит расписаться в своей полной философской безграмотности.

Ильенков дактилирует (говорит на пальцевом языке) Александру Суворову – слепоглохому студенту психологического факультета МГУ, одному из знаменитой четверки воспитанников Александра Мещерякова.

Апелляция Ильенкова к «Орудиям труда» разрубает гордиев узел этого противоречия и выводит его как теоретика к раскрытию тайны и человеческого мышления, и мышления вообще и дает нам в руки возможность не только сочинять пафосные трактаты о мышлении, но и практически формировать человеческое сознание в онтогенезе, в том числе в условиях ранней слепоглухоты ребенка.

Подводя итоги сказанному, еще раз подчеркнем, что научная философия, марксизм – это не искусство оперировать терминологией, вроде «революция», «диалектика», «идеальное», «материализм» и т.п., дабы быть принятыми за своих в кругу левых идеологов, но метод постижения истины.

Нет ничего нелепее наивной веры, что смысл последнего, одиннадцатого тезиса Маркса «о Фейербахе» состоит в том, что автор призывает не биться над научным пониманием мира, но без лишней рефлексии менять его, в соответствии со своим произволом.

Ничего подобного Маркс, разумеется, не утверждает, ибо глубоко убежден в обратном, в том, что изменить мир можно лишь поняв его. Именно поэтому он посвящает всю свою жизнь теоретическому исследованию социально-экономической природы общественных отношений.

Подлинный смысл одиннадцатого тезиса в том, что познать истину нельзя, пассивно созерцая мир, и что истина дается лишь тому, кто деятелен, кто ощущает сопротивление этого мира своему абстрактному произволу.

И в этой связи перед нами встает принципиальный вопрос о природе заблуждения, вопрос над которым размышлял Ильенков:

«Если способ действия мыслящего тела целиком определяется формой «другого» тела, а не собственной внутренней структурой, то возникает вопрос: как же быть с заблуждением?.. ... С точки зрения Спинозы, заблуждение (а стало быть, и «зло» и «грех») не есть характеристика идеи и действия по их собственному составу. Заблуждающийся человек тоже действует в строгом согласии с формой вещи, но вопрос в том, какова эта вещь. Если она «ничтожна», «несовершенна» сама по себе, то есть случайна, то способ действия, приспособленный к ней, также несовершенен. И если человек переносит такой способ действия на другую вещь, он и попадает впросак.»

Истина или заблуждение?

Все сказанное можно, разумеется, отнести к абстрактно академическим материям, заслуживающим внимания лишь в контексте отвлеченных абстрактных штудий, как тему для диссертации по истории философии. Но...

Если взглянуть на это глазами того же Ильенкова, то обнаружится остро современный и остро политический смысл рассуждения Спинозы об истине и заблуждении.

Наука или идеология?

Существует феномен так называемого школьного вербализма. Его суть сводится к тому, что школьник демонстрирует «выдающиеся успехи» в школьном обучении, является круглым отличником и образцово дисциплинированным учеником, но... окончив школу, оказывается совершенно неспособным реализовать свои «школьные знания» в практической деятельности, в технике и науке.

Предметное мышление или идеология?

Разгадка тайны школьного вербализма состоит в том, что в деятельности школьника происходит та самая подмена предмета, о которой говорил Спиноза.

Формально, выполняя школьные задания, школьник движется якобы по форме учебного предмета, идеально воспроизводя своим активным движением форму, логику последнего. Но в реальности, и особенно это характерно для младшей школы, школьник движется по форме совсем другого предмета. И этот «другой предмет» есть социальная воля его учителя, которую ученик пытается **угадать** и которой он изо всех сил пытается **угодить**. Успехи в подобной догадливости, чаще всего и оцениваются педагогами как заслуживающие подражания результаты собственного «педагогического мастерства».

Обратите внимание на выражение лица этой образцово-показательной пионерки-отличницы.

Глядя на учительницу она буквально светится счастьем уверенная в том, что угадала социально одобряемый (= «правильный») ответ и тем самым подтвердила свой социальный статус примерной отличницы.

Между тем, лицо человека, действительно погруженного в предмет, как правило выражает что угодно, кроме адресованной начальству улыбки. Это или глубокая сосредоточенность, глубокая задумчивость, когда человек отрешен от присутствующих, ибо занят тем, что мысленно движется по воображаемому предмету. Или – гримаса боли, ибо действительный процесс мышления – процесс принципиально диалектический, это погружение в действительное противоречие, более того, это сознательное обострение напряжения этого противоречия вплоть до невыносимости, до боли. Поэтому чаще всего фотографии действительно думающих людей, отбраковываются фотографами, как слишком интимные и потому эстетически неприемлемые.

Что такое идеология?

Идеология, согласно формулировке Энгельса — «это процесс, который совершает так называемый мыслитель, хотя и с сознанием, но с сознанием ложным. Истинные движущие силы, которые побуждают его к деятельности, остаются ему неизвестными, в противном случае это не было бы идеологическим процессом.» (Ф.Энгельс письмо к Ф.Мерингу)

Идеология, понятая в логике Ильенкова-Спинозы, есть ложное сознание, которое не отдавая себе в том отчета подменяет свой предмет, двигаясь по форме ничтожного, хотя вовсе и не случайного предмета.

Так обсуждая «Экономические проблемы социализма в СССР» Сталин НА САМОМ ДЕЛЕ был бесконечно далек от того, чтобы обсуждать проблемы какого бы то ни было социализма. Ибо ДЕЙСТВИТЕЛЬНЫМ предметом его размышлений являлось укрепление собственной власти через идеологическую легитимацию буржуазно-номенклатурного режима в качестве режима «социалистического».

Но ровно то же самое *qui pro quo*, ту же самую подстановку совершают и все те теоретики, которые рассматривают человека не как субъекта исторической практики, не как субъекта активной предметной деятельности, но как исполнительную функцию трансцендентной материальному миру «души», экзистенции» или хуже того – «мозга».

Так, становится очевидным, что именно Спиноза является подлинным революционером в философии, ибо именно Спиноза, а не Кант совершил ту самую «коперниканскую революцию», которую приписал себе основоположник немецкого идеализма.

Если Коперник, а на самом деле не столько Коперник, сколько Джордано Бруно, возвысился до понимания того, что Земля не является пупом Вселенной, но всего лишь одним из бесчисленных миров бесконечной Природы, то Кант совершил нечто прямо противоположное, не революцию, а скорее контрреволюцию в мысли. И сделал он это, представив Природу «вещью в себе», а значит объявив ее фактически атрибутом человеческого сознания.

Так, благодаря ильенковскому пониманию Спинозы становится очевидным, что ни кто иной, как Спиноза был тем теоретиком, кто фактически ввел в философию, если не термин, то понятие субъекта. Ибо Спинозовский человек,двигающий и располагающий материальные тела не по своему произволу, но в соответствии с формой всех прочих вещей, и есть материалистически понятый субъект. И напротив, «субъекты» Канта есть не более чем терминологически переряженная, психологически представленная «душа».

Так становится очевидным, что марксизм может быть адекватно понят, не как перевернутый с головы на ноги Гегель, но, в соответствии с репликой Энгельса, как род спинозизма.

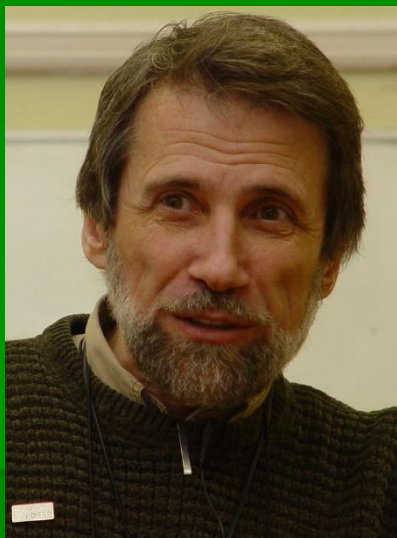
И огромная до сих пор не оцененная заслуга открытия этого факта принадлежит нашему учителю – Эвальду Васильевичу Ильенкову.

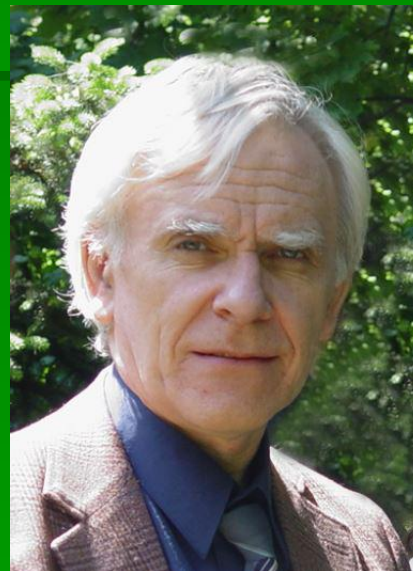
Школа
Ильенкова

Благодарим за внимание

Александр Сурмава

Александр Симакин

Москва, 2021